

К Р О К О Д И Л

ГОД ИЗДАНИЯ XVII

Читатель, вот они перед тобой —
Герои славной, легендарной были!
Они вели с природой бой,
И, как известно, победили.

На неприступном закалившись льду,
Они снесут любое испытанье.
Но я тебе переведу
Их затаенное желанье.

Пусть они немного отдохнут
От гула и от грохота приветов.
Не заставляй их тридцать блюд
Седать за день на трех банкетах.

Не обижай им магнетом глаза,
Любитель и профессионал-фотограф.
Не кланься, о девица-краса,
От каждого из них автограф.

А ты, о литераторский народ,
В честь их победы громкой над природой
Не доводи их до зевот
Высокопарной, скучной одой.

Не предлагай, администратор-жук,
Им прочитать за день двенадцать лекций.
Не рвите пуговиц с их брюк
О собиратели коллекций!

Мы понимаем: тянет вас сказать
Папанинцам слова любви и ласки.
Но чувства ваши доказать
Старайтесь на своем участке.

И будет к ним вниманья лучший знак,
Коль их пример и вас самих научит
Работать, жить, бороться так,
Как эти лучшие из лучших!

По собственному желанию

Начальник отдела кадров сказал управляющему трестом:

— Кроме того, Василий Павлович, я хотел бы, как говорится, обратить ваше внимание на Щербакова. По-моему, очень сомнительный человек. Его то и дело вызывают в суд. У меня на этот счет, как говорится, имеются точные данные...

— А за что его судят?

— До корня, как говорится, не успел докопаться, Василий Павлович. Да, собственно говоря, это и не суть важно. Но факт, что репутация у него, как говорится, подмоченная. Даром в суд людей не таскают. К чему нам засорять аппарат лицами, находящимися, как говорится, под судом и следствием?

— Что же нам с ним делать?

— Придется, как говорится, уволить. Но тем не менее, однако, уволить его невозможно. Ни под какой пункт увольнение не подходит. Работник хороший, дисциплинированный, так что, как говорится...

— Говорится, говорится... Ничего не понимаю. Неужели так-таки и нельзя? Не может этого быть. Есть выход: уволим его по собственному желанию. Я с ним сам поговорю. Пришлите его ко мне.

— Желая удачи, как говорится...

Через две—три минуты Щербаков вошел в кабинет управляющего.

— Здравствуйте, товарищ Щербаков, — приветливо встретил его управляющий. — Здравствуйте и садитесь! Как у вас движутся дела?

— Смета на новый квартал уже готова.

— Очень хорошо. Очень хорошо. Вы вообще молодчина. Побольше бы у нас таких работников. Вот я за этим вас и вызвал. Завтра у нас какое число?

— Двадцатое, Василий Павлович.

— Как время летит! Уже двадцатое. Так вот, мой дорогой, подайте, пожалуйста, заявление, что с двадцатого числа сего месяца вы оставляете наш трест по собственному желанию.

— Не понимаю. Почему?

— Имеются кое-какие соображения. Но мы же вас не увольняем, не освобождаем, не снимаем. Вы уходите по собственному желанию.

— По вашему желанию?

— Нет. По вашему.

— Но у меня нет такого желания.

— Это все пустяки. Мы часто так плохо разбираемся в своих желаниях. Представьте себе, что у вас появилось такое желание.

— Не могу себе представить. Нет, Василий Павлович, я такого заявления не напишу. Если я в чем-нибудь провинился, издайте приказ об увольнении.

— Ну к чему, товарищ Щербаков, этот бюрократический лексикон? Приказ, провинился, увольнение. Я не сторонник таких канцелярских оборотов речи. Я с вами говорю по-това-

рически, по-дружески. Говорю литературным языком, языком Тургенева: подайте заявление по собственному желанию...

— Но что могу с собой поделать? Несмотря на Тургенева нет у меня такого желания.

— А вы возьмите себя в руки. Надо иметь силу воли. Вот бумага — пишите.

— Не буду писать. Увольняйте.

— Да за что же, милый человек, я вас буду увольнять? Не за что. Честное слово, не за что. Чудак, если было бы за что, я бы с вами так долго не канителелся.

— Но поймите, Василий Павлович, что я здоровый и нормальный человек. Почему это я вдруг по собственному желанию должен искать новую работу?

— О! Слышу голос воина. Так бы раньше и сказали. Два интеллигентных человека могут всегда договориться между собой. Вы без работы не останетесь. Я вам дам рекомендацию в другой трест. Я вам дам прекрасную характеристику. Я напишу, что вы замечательный работник...

— Если я замечательный, почему вы меня увольняете?

— Я? Вас? Увольняю? Кто сказал? Вы же уходите по собственному желанию.

— Не ощущаю я в себе такого желания.

— Вот упрямец! Кстати, товарищ Щербаков, вы в этом году уже пользовались отпуском?

— Нет еще.

— Очень хорошо. Мы вам дадим путевку в Цхалтубу. Какой там воздух, какие окрестности! А восход солнца из-за снежных вершин! Незабываемое зрелище. Я в душе немного поэт. Вот бумага — пишите.

— Не буду писать. Увольняйте.

— Жаль. Очень жаль. Усиленно рекомендую Цхалтубу... Да вот... У меня к вам еще один небольшой вопрос. Правда, это не имеет прямого касательства к нашей дружеской беседе. Извините, что вторгаюсь в вашу личную жизнь. Мне, видите ли, говорили, что вы часто бываете в суде.

— Да. Бываю. В седьмом участке.

— Гм... Так, так... Это, конечно, — не мое дело. Но вообще интересно знать — за что?

— Сам не знаю.

— То есть как?

— Сам не знаю, как это случилось. Но в прошлом месяце...

— Что в прошлом месяце?

— Меня избрали народным заседателем.

— Что? Ах, вот как... Это очень хорошо, очень хорошо... А в Цхалтубу надо вам с'ездить.

— Не буду писать.

— Что писать?

— Об уходе по собственному желанию.

— И не надо. Разве я настаиваю? Так что смета, говорите, готова? Очень хорошо. Видите, два интеллигентных человека всегда договорятся между собой...

Г. РЫКЛИН

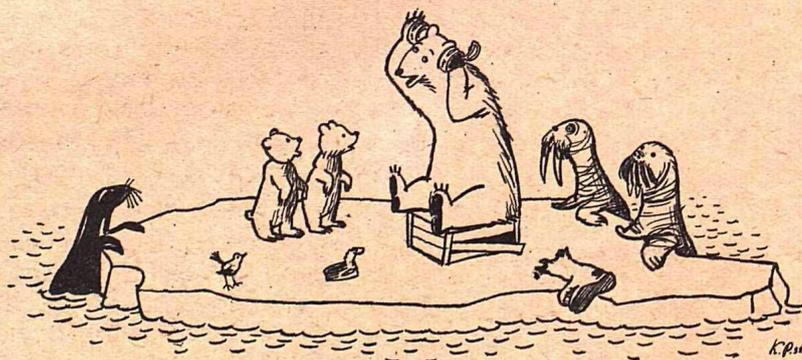

Рис. Н. Рytова

П О К И Н У Т Ы Е

— Жаль, Эрнест Теодорыч увез с собой радиостанцию... Вот бы сейчас послушать передачу из Москвы о приезде четверки.

ГОЛОСОВАНИЕ ПО АВСТРИЙСКОМУ ВОПРОСУ

(ПРОСТЫМ ПОДНЯТИЕМ РУК)

В ВЕНЕ

В РИМЕ

В ЛОНДОНЕ

В ПАРИЖЕ

Рис. Бор. Ефимова

ОБСЛЕДОВАТЕЛЬ

Нареканий на собез много было. Решено было послать под видом посетителя обследователя. Иван Степанович приказал секретарше:

— Надо спсылать толкового человека в собез. Как там и что. Будто он пришел получать что-нибудь. Есть у нас толковый человек?

Секретарша секунду подумала, сказала:

— Есть.

— Толковый, энергичный?

— Энергичный, толковый.

Спустя три дня Иван Степанович поинтересовался результатами обследования.

— Обследователь ничего особенного не нашел, — сказала секретарша.

— Не может быть! Сегодня опять три письма с жалобами от пенсионеров есть. Пришлите ко мне его!

Через полчаса Иван Степанович увидел перед собой девятнадцатилетнего розовощекого юношу.

— Филин! — отрекомендовался юноша. — Ходил в собез, Особенного ничего. Грубы только. Ну, я их тоже отлалял.

— Товарищ Филин! — удивленно сказал Иван Степанович. — Вас послали? Это зря... так. Скажите, в каком этаже помещается собез?

— Этаже? Вот это я не запомнил. Нето во втором, нето в пятом. Я думал насчет учреждения. А этаж...

— Не запомнили — скамейки, стулья для посетителей есть?

— Скамейки, стулья?.. Сам я не сидел. Не помню что-то. Да я там недолго был. Часа два только.

Иван Степанович покачал головой. Филин жарко зашептал.

— Я думаю, они догадались, что я обследователь. Как я только спросил, как насчет моей пенсии, так они скоро принялись. Книжки рассыльные принесли — смотрите, говорят, сами. Ничего, поворят, нет о вашей пенсии. И хитро смотрят. Думаю, разгадали.

Иван Степанович вызвал секретаршу и сердито сказал:

— Есть у нас кто-нибудь из сотрудников не моложе 60 лет? Желательно, чтобы хромой. Ступайте и выясните!

В. ТОБОЛЯКОВ

Знаменитый Кабинос

О приезде знаменитого Кабиносова в доме отдыха стало известно с утра. Для него приготовили лучшую — седьмую — комнату, переселив оттуда в пятую толстого актера Гуряева. Гуряев ходил к директору обижаться, говорил, что не сегодня — завтра получит заслуженного, но это не помогло. Директор был неумолим, и переселение состоялось.

За ужином знаменитый Кабинос уже сидел на председательском месте за столом, щурил острые светлые глаза, рассматривая женщин, и, небрежно тыкая вилкой в блюдо с заливным поросенком, говорил очень громко, словно на лекции:

— Кормят неплохо!.. Мне, собственно, посоветовал ехать сюда Геннадий Иванович... Что?.. Да, да, тот самый. Геннадий Иванович говорил, что мне здесь будет уютно.

Он явно щеголял тем, что называет запросто по имени и отчеству такого большого человека.

Встал он после ужина первым и сейчас же ушел к себе наверх — чернобородый, представительно лысый, в отличном заграничном костюме с «искоркой».

— А чем он знаменит, этот Кабинос? — спросил у сидящих за столом Гуряев.

Всезнающая Зоя Львовна удивленно подняла мистические брови:

— Неужели не знаете? У него же своя собственная лаборатория.

— Представьте, не знаю. Про Павлова читал, Сперанского знаю. А вот Кабинос... Что же он делает в своей лаборатории?

— Я не знаю точно, что он делает, — сказала Зоя Львовна. — Кажется, с кошками что-то делает. Об этом писали.

— То есть как — с кошками?

— Кажется, он отрезает им хвосты и смотрит потом.

— Позвольте, на что смотрит?

— Кажется, на отрезанные хвосты. Он наблюдает эти... одним словом, процессы. В общем все это безумно интересно.

— Вы меня извините, — сказал настойчивый Гуряев, — но я хочу выяснить. Он, значит, биолог?

— По-моему, он ветеринар, — заметил архитектор Некушаев, — кошки, хвосты... Определенно, ветеринар.

— А я думаю, что он зоолог, — вмешался в разговор художник Комаринов, — кошки, хвосты... Конечно зоолог.

— Кажется, он врач-психиатр, — заявила Зоя Львовна, — кошки для него — только материал. Мне объясняли, что он на кошках изучает, кажется, психологию человека. У него своя теория. Вы понимаете? У других, например, конек — лошадь, обезьяна. А его конек — кошка.

Спор утас.

— Мне все это кажется странным, — подвел итог рассудительный Гуряев. — Неужели для того, чтобы изучить мою, скажем, психологию, нужно отрезать хвост посторонней кошке? Впрочем, возможно, что знаменитый Кабинос действительно срывает покровы с тайны тайн природы. Знаете что, давайте попросим Кабиносова прочитать нам небольшую лекцию о своих работах.

Все согласились, что это будет очень хорошо и интересно. Гуряев принял на себя организационные хлопоты.

Утром он поговорил с Кабиносовым. Знаменитость поморщилась, поломалась, но потом согласилась. Лекция должна была состояться после ужина в голубой гостиной.

К ужину Кабинос не вышел.

— Готовится к лекции, — решили отдыхающие.

Поужинав, все перешли в голубую гостиную и стали ждать знаменитого лектора.

Прошло сорок минут. Кабиносова не было.

Прошел час. Кабинос не появлялся.

Гуряев не выдержал и пошел наверх в роскошную седьмую комнату.

— Товарищ Кабинос, — сказал он; деликатно постучавшись. — Мы вас ждем с нетерпением.

В ответ послышалось неопределенное мычание.

Гуряев открыл дверь и вошел в комнату.

Знаменитость сидела на полу и лихорадочно упаковывала чемоданы. Великолепная, словно гофрированная борода Кабиносова была растрепана, лысина ярко розовела, напоминая интимный абажур. У научного деятеля был очень расстроенный вид.

— Что с вами, товарищ Кабинос? — испуганно спросил Гуряев.

— У меня большое личное несчастье, — горестно сказал Кабинос, запихивая голубые кальсоны в разъятое чемоданье брюхо.

— Что-нибудь с женой? С детьми?

— А, при чем тут жена!

— Может быть... с кисками вашими?

— Да, уж скорее с кисками... Геннадия Ивановича сняли! Как раз накануне рассмотрения сметы по моему институту. Извинитесь там, голубчик, за меня, я сейчас уезжаю.

Лекцию о тайне тайн пришлось заменить западными танцами. Когда кабиносовская машина загудела у крыльца, Зоя Львовна, вздохнув, сказала Гуряеву:

— Все-таки он очень интересный. В нем есть нечто таинственное, в этом Кабиносове. Современный доктор Фауст.

Через декаду, просматривая после завтрака свежие газеты, Гуряев вдруг постучал вилкой о тарелку и сказал:

— Тише, товарищи. Слушайте. Он, оказывается, не биолог, наш знаменитый Кабинос.

— Я же говорил, что он ветеринар, — торжествуя, заметил Некушаев.

— Нет, не ветеринар!

— Значит, зоолог, — сказал художник Комаринов.

— И не зоолог!

— Я была права: он врач-психиатр, — обрадовалась Зоя Львовна.

— Нет, он не психиатр!

— Боже мой, кто же он?

— Жулик он, вот кто, — с удовольствием сказал Гуряев, — стопроцентный научный арап. И кошки эти его — сплошное очковничество. Вот здесь все написано. Видите ли, он держался только благодаря своему Геннадию Ивановичу, а этот Геннадий Иванович, оказывается, довольно темная личность. И подумайте только, что из-за него меня переселили в пятую комнату!

Все молчали.

Потом Некушаев сказал:

— Меня удивляет вот что: как мог он так долго функционировать, этот Фауст кошачий?

— Очень просто, — заметил Гуряев, — ветеринары ждали, что его разоблачат зоологи. А зоологи надеялись на ветеринаров. Что вы на все это скажете, Зоя Львовна?

— Вы же знаете, что я всегда считала его страшно подозрительным, — сказала Зоя Львовна и густо покраснела.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

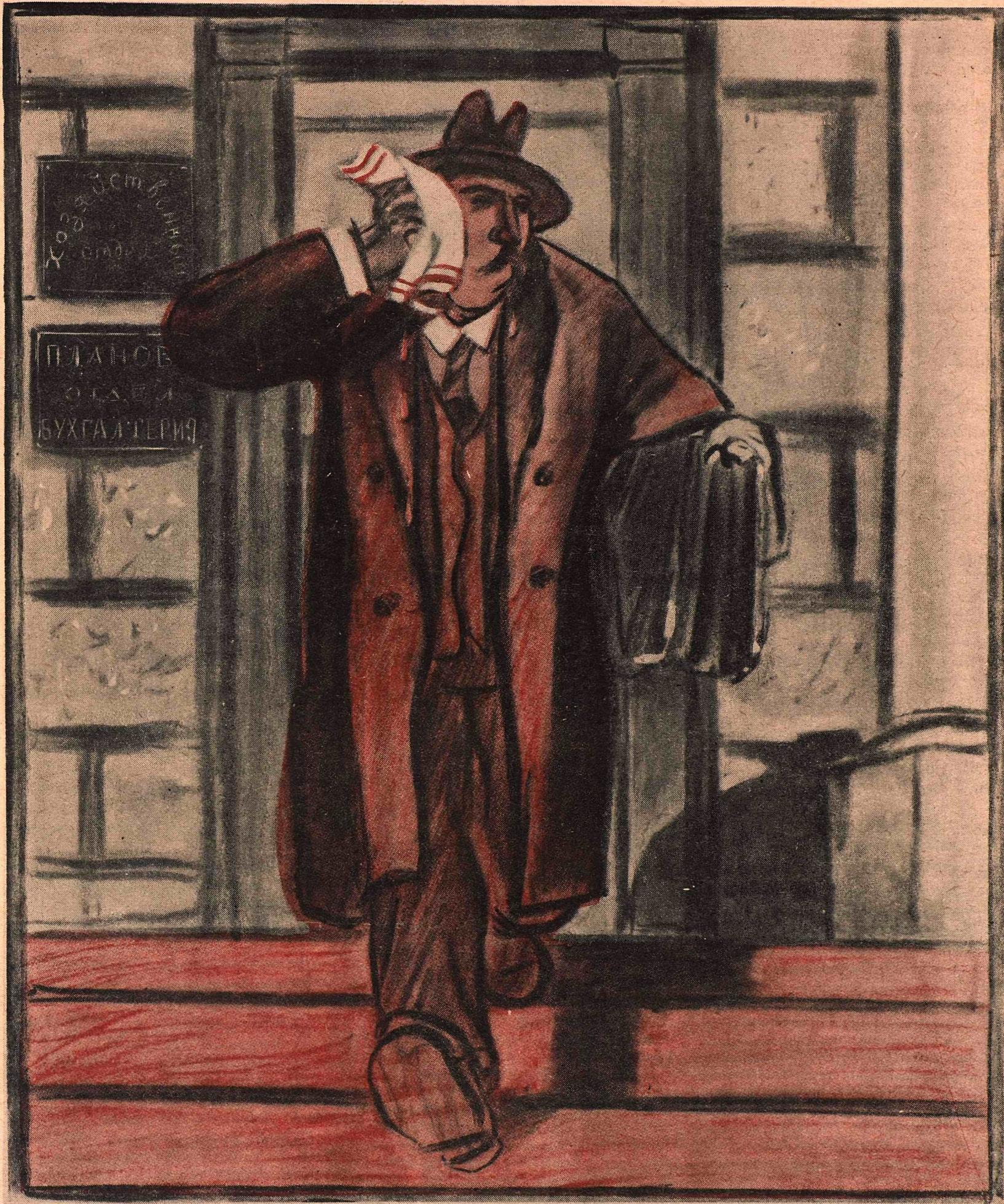

Рис. М. Черемных

ДУЮТ НА ВОДУ

— Ффу... Трудновато стало работать агенту Госстраха. Десятому человеку русским языком предлагаю перестраховаться, а все, как один, руками машут. Как им объяснить, что перестраховка и госстрахование— вещи разные!..

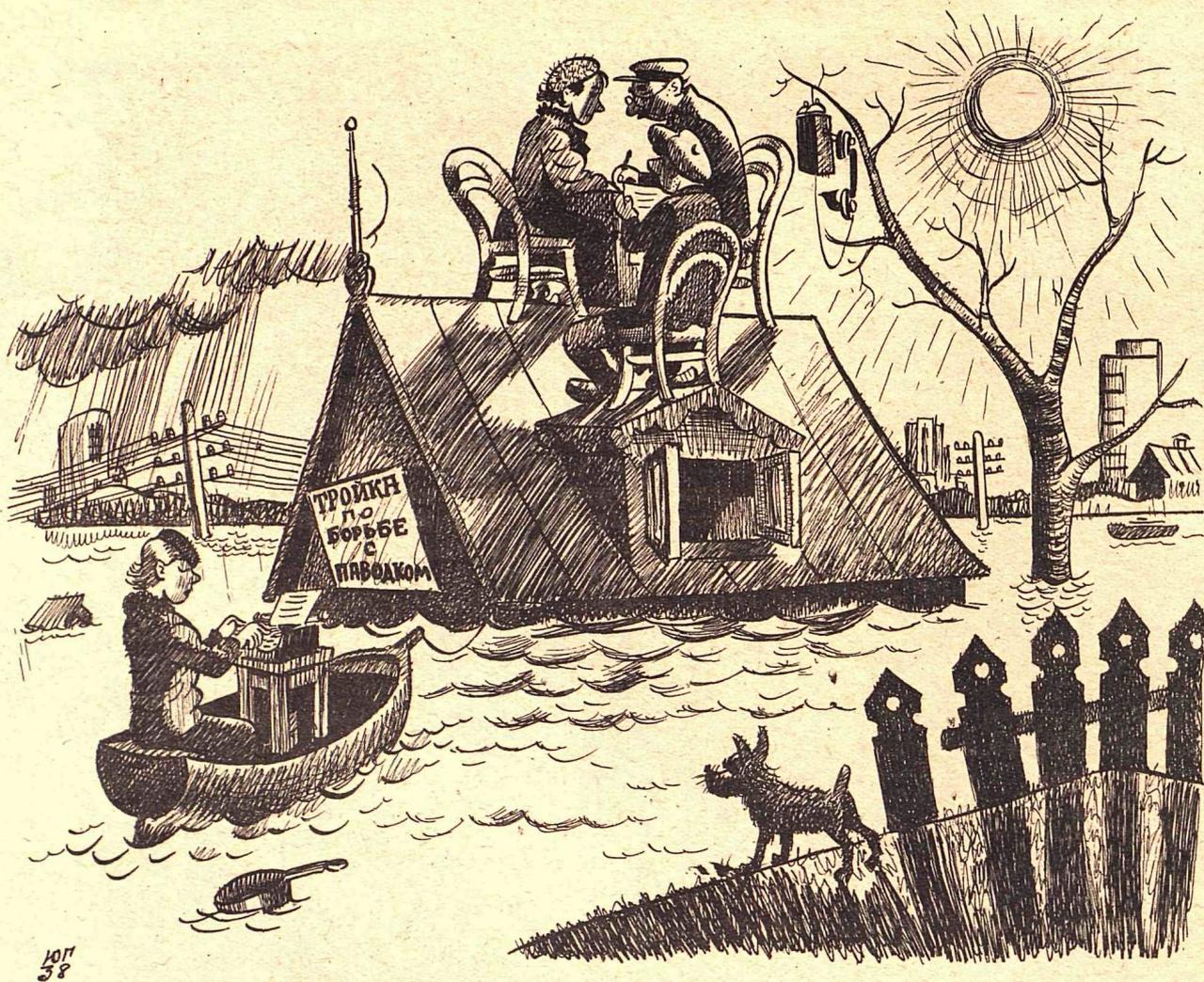

Рис. Ю. Ганфа

Тройка по борьбе с паводком на высоте.

Шкипер

Иван Иванович — болтун. Есть ли смысл писать о нем?

Нет смысла. Болтунов описывали достаточно.

Но Иван Иванович решил перестать быть болтуном. Вот эту вполне искреннюю попытку следует описать.

Произошло это так.

Болтать нельзя. В самом деле, сболтнешь о ком-нибудь чепуху — привлекут к ответственности. Отвечай. Порочащая советского гражданина болтовня — наказуется. Наплетешь что-либо о производстве — опять: зачем зря болтал о производстве? Разболтаешь о технике, политике, войне, международных отношениях — засмеют. Людей грамотных развелось у нас немало. Читают, разбираются, требуют точности. Скажут: «Не то, не так, неверно, неправильно, ошибочно».

И Иван Иванович решил стать молчаливым человеком. Есть же, черт возьми, молчаливые люди, которых уважают! В морских романах, например, тип шкипера. Он сидит, курит трубку и молчит. Молчит — и все. Не болтает.

До чего этой именно черты не достает Ивану Ивановичу!

Он с утра как начнет сыпать, так до вечера не может остановиться: ему сказали, ему звонили, ему сообщили, он слышал из достоверных первоисточников, завтра будет ба-альшее событие! Невероятное! Затем, Семенова вчера проработали на местком. Иголкин подал заявление об уходе. Сливкин заболел. Людмила Ивановна вышла замуж за Сокрушанского. Левкин широко живет, явно не по средствам, вчера об этом говорил Тимошин...

Иван Иванович никак не может остановиться.

А потом — отвечай. Особенных событий «завтра» не произошло. Семенова в местком не прорабатывали: не за что было Семенова прорабатывать. Иголкин не подавал заявления об уходе: чего ради ему уходить? Сливкин не заболел, Левкин, во-первых, не так уж широко живет, а во-вторых, живет по средствам... Людмила Ивановна не вышла замуж за Сокрушанского. А Вилкин не умер, наоборот, вчера шел по Малой Бронной и курил папиросу...

И как муторно потом от всей этой болтовни. Ужасно муторно. Зачем он болтал? И совестно, и глупо, и боязно.

Ходишь и думаешь: кто тебя за язык тянул?

— Погибну я от своего языка, — говорил иногда Иван Иванович. — Язык мой — враг мой.

И вот — кончено. С сегодняшнего дня он шкипер. Все говорят — он молчит.

Встал утром. Пошел на работу. Пристают:

— Что нового?

— Что новенького?

— Ничего не слышали?

— Про Лягушкина не слышали?

Ничего он не знает про Лягушкина. Никакого Лягушкина не хочет знать. Ивану Ивановичу все равно.

Полдня прошло. Чего-то не хватает. Что-то вроде жажды. Или вроде того, когда человек на диете. Или отвыкает курить. Но зато моральное самочувствие какое! Не болтает! Факт!

Еще полдня прошло. И вечер прошел благополучно. Начал было говорить Ломкину, что Лебедянского выселяют из заводской квартиры...

Но спохватился. Замолчал. Пошел домой спать и благополучно спал до утра.

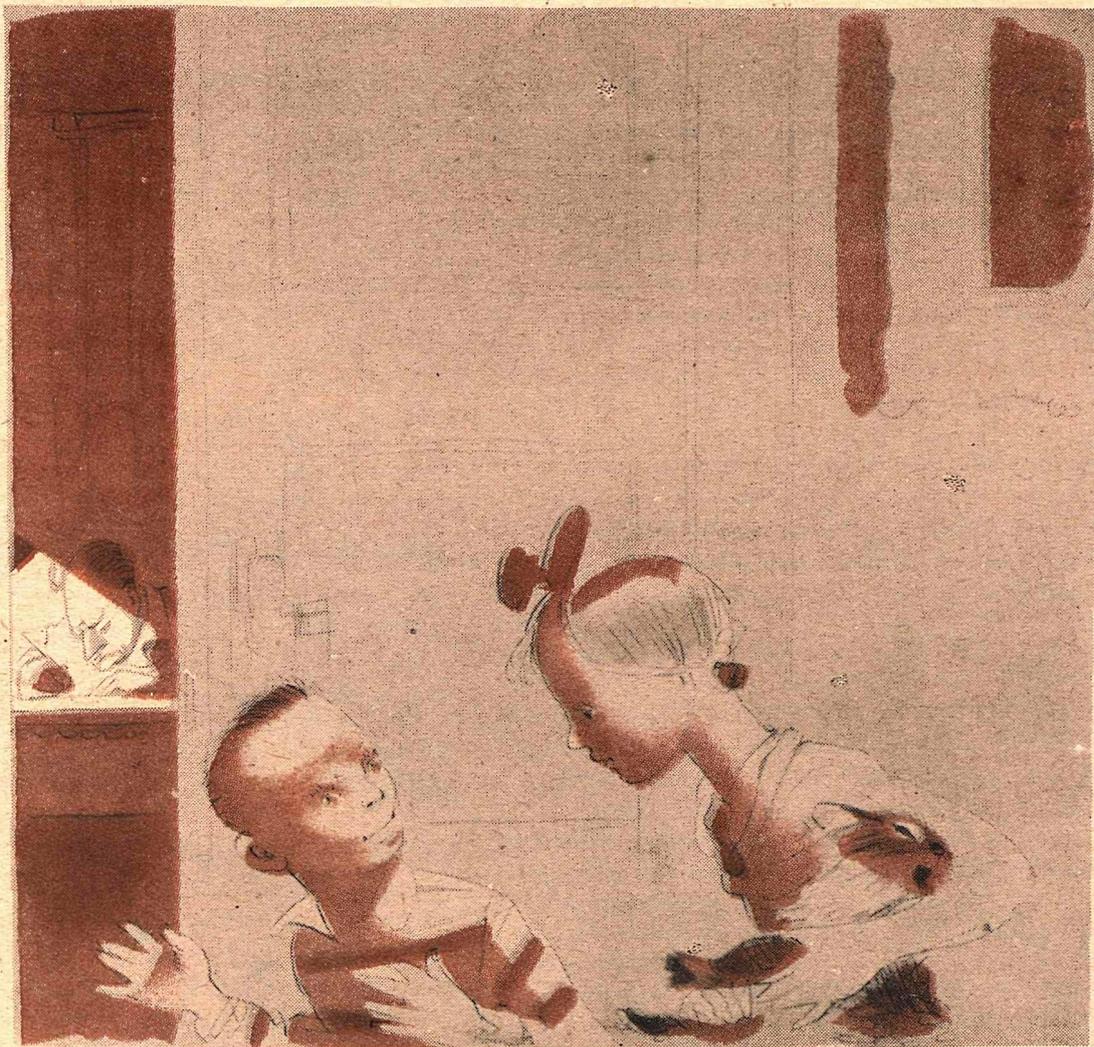

Рис Н. Ротова

УСТАМИ МЛАДЕНЦА

- Не шуми: ты мешаешь папе писать роман!
- А почему, когда папа спит, я ему не мешаю?
- Потому что папа спит крепче, чем пишет.

Утром — опять. Все в порядке. Твердая линия. Никаких. Молчалив, как шкипер. Пришел на службу.

- Что нового?
- Что новенького?
- Ничего новенького.

Но тут Ивана Ивановича ждал провал. Есть новенькое. Кузьмичев сообщил, что заведующий устраивает у себя вечер. Все приглашены, но совершенно непонятно, почему не приглашен Иван Иванович.

Иван Иванович почувствовал укол в самое сердце. Его не пригласили. И кто? Заведующий! А что он собой представляет этот заведующий? Еще год назад он дробей не знал. Иван Иванович ему дробей объяснял. А теперь он его не приглашает!

Кузьмичев, под видом сочувствия, еще раза два напоминал об этом Ивану Ивановичу. Иван Иванович сказал, что он вообще не пошел бы на вечер. Он знает цену этим вечерам. Он понимает, почему Никита не приглашает его. У Ники-

ты будут такие личности, что лучше их скрыть от советской общественности, потом Никита давно побаивается его — Ивана Ивановича. Причина для этого есть. Дело с неправильным увольнением Картинкина у всех в памяти. Кстати, Картинкин заболел. Его жена оставила его и уехала в Ташкент. Что касается жены Никиты, то ей тоже нет особого расчета видеть его, Ивана Ивановича, в числе своих гостей. Он знает о ней такое.. Кстати, ее брат построил мост, который придется перестраивать. Хорошенький мостик! А денег это стоило государству!.. А уж этот братец-то в качестве гостя обязательно будет, и Гнусман будет, со своими двумя выговорами, и Берта Антоновна будет.

— Да, это возмутительно, что тебя не пригласили! Просто бестактность. Все знают, что ты приятель с Никитой, — сочувствовал Ивану Ивановичу Кузьмичев.

Но это была ложь. Мелкая, глупая, ничтожная ложь. Приятель Ивана Ива-

новича — Никита Семенович, заведующий отделом, простодушный и хороший товарищ и не думал не приглашать Ивана Ивановича. К концу рабочего дня он разыскал Ивана Ивановича и просто, сердечно пригласил его к себе на вечер, вынув из кармана список и показав товарищу, кто еще приглашен. Имя Ивана Ивановича было в списке.

Иван Иванович почувствовал знакомую муторность...

Где же шкипер?.. Провалился шкипер! Почему он высыпал перед Кузьмичевым столько нехорошего, злостной болтовни? Ведь два дня он уже не занимался этим. Кто же был виной этому?

Кузьмичев. Ничтожный лунишка Кузьмичев. Как досадно!

На первый раз не вышел шкипер из Ивана Ивановича.

Но выйдет! Обязательно выйдет. И как только наладится у него более продолжительная попытка, мы опять о нем немедленно напишем.

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

ЧЕМБЕРЛЕН: — Путь открыт!

Рис. Л. Бродаты

Чужие неприятности

Неудачи и неприятности близких доставляли большое удовольствие супругам Праховым. Близкие и не догадывались. Да и трудно было догадаться. И сам Прахов Петр Борисович и жена его Татьяна Викентьевна выглядели чрезвычайно милыми, симпатичными, чуткими, гостеприимными. Трудно было догадаться, что они таят у себя в душе.

— Ну, как ты живешь? Что у тебя нового? Я так рад тебя видеть... Зашел бы как-нибудь. Нехорошо забывать друзей, — говаривал Петр Борисович, оглядывая приятеля с таким выражением на лице, словно готов был отдать за него свою жизнь.

А когда, бывало, приятель, разоткровенничавшись, тут же сообщал о своих невзгодах, неудачах, Петр Борисович весь день — и дома и на работе — чувствовал себя в приподнятом настроении. Точно его по службе возвысили, или точно в его жизни произошло что-то важное.

Те же чувства охватывали и Татьяну Викентьевну. Эта молодая, невысокая, снабженная небольшими чернявыми усиками женщина в таких случаях трепетала от счастья, как рыба на сковороде.

— Ах, моя милая. Душечка. Как я по тебе соскучилась! Как я рада тебя видеть. Дай обниму тебя, — щебетала она и целовала приятельницу, с удовлетворением отмечая дряблые щеки и морщины приятельницы. Вслед за этим обыкновенно следовало:

— Как ты помолодела! Как ты похорошела! Как прекрасно выглядишь!

А дома Татьяна Викентьевна, раскрасневшаяся, одухотворенная, рассказывала мужу:

— Сегодня встретила Тосю. Бедняжка. Она так постарела. Совсем старуха. И как так могут люди стареть? Жаловалась: плохо живут.

— Ну, еще бы, откуда им хорошо жить? — замечал Петр Борисович и в свою очередь с не меньшим удовольствием докладывал жене о каких-нибудь неприятностях, обрушившихся на голову их близких...

Но у Праховых были и приятели, которые своей жизнью доставляли им одни лишь огорчения. Особенно в этом отличалось семейство профессора Сабсонова. Это семейство процветало. Профессор Сабсонов и его жена Клавдия Алексеевна никогда ни на что не жаловались, выглядели они бодро, жизнерадостно. Об успехах профессора нередко писали в газете. Когда Праховы бывали у них в гостях, они уходили оттуда с щемящей болью в сердце. Сколько раз они давали себе слово больше не ходить к Сабсоновым. Но что-то тянуло их туда, и они вновь возвращались домой с душевной болью.

Сабсоновы процветали.

Дома Татьяна Викентьевна старалась несколько облегчить свои и мужа муки.

— Знаешь, Петенька, — говорила она, — у Сабсоновых мило, очень мило в доме. Но все же я бы не хотела так жить.

— Да-а. Почему? — спрашивал мрачно Петр Борисович.

— Мещанские комнаты. Мещанские обои. И вся обстановка... И эти ковры и эта ванная с душем... Нет, нет, ни за что я б так не хотела жить... А как жена его одевается? Ты заметил, как она одевается? Безвкусица сквозит во всем... Убей меня, чтоб я так одевалась... И потом знаешь, Петенька, — потупив глаза, продолжала Татьяна Викентьевна, — ты, наверно, думаешь, что я им завидую... Но, ей богу... вот клянусь тебе, чем хочешь...

— Что ты, Таточка, господь с тобой. Я и не думаю.

— И потом ты знаешь, Петя, — произносила Татьяна Викентьевна, на этот раз строго и прямо глядя в глаза мужу, — так жить, как живут Сабсоновы, нам нельзя. Коммунистам так жить неприлично, — говорила она категорически.

Татьяна Викентьевна была беспартийной, но так как муж ее вот уже скоро восемь лет состоял кандидатом партии, то

и она иначе не выражалась, как «мы, партийные», «мы, коммунисты». Причем она произносила не «коммунисты», а «коммунисты», — очевидно, Татьяна Викентьевна полагала, что так солиднее и грознее.

Кончался этот разговор обыкновенно небольшим заключительным словом Петра Борисовича:

— Надо прекратить эти хождения к Сабсоновым. Ты права, Татьяна, ни на минуту не надо забывать, что они беспартийные и что можно им, того нельзя нам, — говорил он несколько таинственно, однако до конца не расшифровывая, «что можно им и чего нельзя нам».

Все это немножко успокаивало. Но очень немножко. Засылая, супруги Праховы (в который раз!) решали больше к Сабсоновым не ходить. Но, как мы уже упомянули выше, что-то непреодолимое тянуло их туда.

Вскоре они вновь посетили Сабсоновых.

Сияющий профессор, в пижаме и мягких туфлях (он всегда ходил дома в пижаме и мягких туфлях), встретил их в передней.

— Поздравьте меня, — говорил профессор, помогая, знимать шубу Татьяне Викентьевне. — Поздравьте меня... Это вам особенно будет приятно, Петр Борисович.

— С чем же вас поздравить? — спросил, тонко улыбаясь, Петр Борисович, предчувствуя что-то недоброе.

— Поздравьте меня. Я вступил в партию, — объявил торжественно профессор. — Честное слово!

— Как же так? — вырвалось у Татьяны Викентьевны.

Она искренно огорчилась и никак этого не могла скрыть. Она производила впечатление человека, у которого из-под сиденья вышибли стул.

— Как же так? — повторила она несколько раз.

— А очень просто, друзья мои. Заходите, я вам все расскажу.

И, уже сидя за чаем в столовой, профессор охотно и подробно рассказывал, как его принимали в партию, как обсуждали его кандидатуру.

— Мне давно предлагал это сделать наш секретарь парткома. Я все как-то побаивался. Откладывал. Не то, чтобы у меня какие-нибудь расхождения... У меня их не было. А вот сейчас, — закончил он, — после своей последней работы... Работа признана удачной, — добавил профессор, — я и решил... Поздравьте меня, товарищи. Поздравьте!

Праховы на этот раз недолго сидели в гостях. Сославшись на какие-то неотложные дела, они угрюмо распрощались с Сабсоновым и его женой.

Всю дорогу супруги шли молча. Когда Петр Борисович хотел взять Татьяну Викентьевну под руку, она этого демонстративно не позволила и вырвалась вперед. Петр Борисович еле поспевал за ней.

Дома разразилась гроза.

Переступив порог комнаты, Татьяна Викентьевна сбросила на кресло шубу и, оставшись в берете и ботах, немедленно начала бушевать.

— Вот! — кричала она, передразнивая. — «Мы, коммунисты! Нам надо жить иначе!..» У людей все, а у тебя ничего... Что тебе дала твоя партия?..

— Тише, Таточка, тише... — успокаивал ее Петр Борисович, пожимая плечами и всем своим видом показывая: мол, неудобно, соседи могут услышать.

— Плевать мне на всех! — продолжала бушевать Таточка. — Хожу в тряпках! Жизни не вижу. У других ванны! Обстановка... У других все!

В отчаянии Петр Борисович запел первую пришедшую на ум песню. Он пел громко, изо всех сил. Пусть завтра соседи обижаются, что им не дали спать. Пусть обижаются! Лишь бы не услышали воплей Татьяны Викентьевны.

Он пел громко, изо всех сил.

Н. КОРОБКОВ

Решением французских судебных властей освобождены из-под стражи руководители фашистской заговорщической организации «кагуляров» — Поццоди-Борго и генерал Дюсеньер. (Из газет).

Рис. Н. Ротова

ГЕРИНГ (Гитлеру);— Есть еще судьи в Париже... Наши.

Рис. Л. Генча

В РАЙОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ

- У нас полки ломятся от книг.
- Много книг?
- Книг-то мало. Полки у нас гнилые.

Рис. Л. Генча

НОВОЕ В ХВАСТОВСТВЕ

- А мой папа—силач. Он одной рукой поднимает 100 килограммов.
- А мой папа сильнее: он передвинул дом.

Ф о м а н е в е р н ы й

Авторы считают своим долгом заявить, что они всецело за взаимную любовь. Не боясь показаться оригинальными, они утверждают, что это чудесная вещь.

Итак, три года назад цвела весна. В душе распускались подснежники и щебетали птицы. Особенно настойчиво щебетали они в душе Ф. Гороховского, студента военно-капельмейстерского факультета Московской консерватории. В тон этому щебетанию заливались малиновки и зяблики, свившие себе прочное гнездо в сердце стенографистки Г. М.

Вероятно, влюбленные гуляли рука об руку где-нибудь под липами в теплых весенних сумерках.

— Милая... — шептал Гороховский.

— Милый... — отзывалась девушка.

— Любишь? — томно вопрошал он.

— Люблю, — чуть слышно отвечала она.

И в один из таких вечеров Ф. Гороховский высоко вскинул руки, как бы дирижируя разноголосым майским оркестром, и страстно воскликнул:

— Дорогая! Я люблю тебя так, как никто никого никогда не любил. Будь моей женой! Пусть все мое будет твоим, пусть все твое будет моим...

— Фома! — пролепетала она и склонила головку на его плечо.

Вслед за молодоженами в их маленькую комнату на крыльях любви влетели

разные вещи: никелированная кровать с матрацем, ковер восточный, 6 серебряных ложек, 8 пар мужского белья...

В первые месяцы совместной жизни юные супруги любовно обставляли свою жилплощадь (маленькое гнездышко!). Пищал радиоприемник, тикали настольные часы, сипло верещал будильник, поскрипывал подержанный кухонный стол. Через год в эту симфонию ворвался бойкий голос великолепного младенца. А еще через год с небольшим внезапно наступила тишина.

Музыкальный Фома взял в одну руку патефон с пластинками, в другую велосипед и отбыл в неизвестном направлении. Жена отнеслась к этому спокойно.

«Проживем и на мои пятьсот», — думала она.

В дальнейшем выяснилось, что отец Фома будет давать на воспитание дочери 100 рублей в месяц.

— А где папа? — спросила однажды девочка.

— Нет папы, — сказала мать. — Папа нас забыл.

Но у папы оказалась редкая память.

Девятого марта 1938 года в народном суде 3-го участка, Фрунзенского района (Москва), слушалось гражданское дело. Опираясь сложными выкладками, истец Фома добивался получения от своей бывшей жены 6 серебряных ложек, 8 пар мужского белья, единственной кро-

вати с матрацем, ковра над нею и половины: будильника, настольных часов, радиоприемника, гардин, буфета, двух скатертей, одеяла фланелевого и пр.

Пока защитник Гороховского излагал юридические обоснования иска, беззащитная ответчица, глядя на своего неверного Фому, вероятно, вспоминала липы, теплый майский вечер и проникновенные слова:

— Все мое будет твоим, все твое будет моим...

Сейчас конец этой фразы показался ей пророческим.

— А зачем вам мужское белье? — спросил судья ответчицу.

— Совершенно ни к чему. Но ведь Гороховский сам не приходит, он собирается вывозить вещи на грузовике.

В зале раздался смех. Этот смех превратился в бурный хохот после оглашения приговора.

Истец Гороховский получил свои 8 пар белья, фланелевое одеяло (25 руб.) и все до одной ложечки.

Только строгие формы судопроизводства не позволили судье употребить подходящее к случаю выражение. Он не мог сказать Гороховскому:

— Пошляк.

Мы сделаем это за него:

— Пошляк!

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

У автомата

Небольшая вывеска черного стекла сообщает, что в под'езде имеется телефон-автомат. Дверь, приоткрываясь, обнаруживает некоторое скопление публики. Зайдем и послушаем, о чем говорят люди по телефону-автомату.

Чуть слышно трещит диск с буквами и цифрами, поворачиваемый шесть раз. Затем говорит скучный голос:

— Александр Петрович?.. Да, это я... Видите ли, я хотел сказа... да... да... да... да... Угу! Да! Угу! Да! Видите ли, я хоте... да... да... да... Видите ли, я... да... да... Ну, пока...

— Вот наговорился всласть человек!

— Пожалуйста, гражданка, звоните вы...

— Успею я, сынок, успею...

— Нет, пожалуйста, бабушка, звоните!

— Ну, спасибо... Это Арбат 2-15-47? Будьте такие добрые, позовите к телефону Анну Федоровну... Вы? Анна Федоровна, да что ж это я вас не узнала?.. Анна Федоровна, это я, Евдокия Ивановна. Ну, да... Да нет, выздоровела я... Тем более нынче за пенсией своей ходила... Анна Федоровна, я вам вот чего звоню: я ведь три урока пропустила. Вы не знаете, чего у нас по арифметике задано? А? Деление дробей? Это простых дробей, али десятичных? А? Ага! Ага! Ага! Ну, спасибо вам... Завтра повидаемся: приду я на занятия... Спасибо вам...

— Сейчас моя очередь, дайте найти номер... У меня записано «М 4-23-16». А тут на круге такой буквы и нет—М... Что? Ах, верно: М—это Миусы... Спасибо вам... Звоню... Здравствуйте! Угадываете? Нет, вы угадываете! Одна ваша хорошая знакомая... Хи-хи-хи! Называется хороший знакомый, а его можно полчаса интриговать своим голосом, а он — хоть бы хны! Я говорю: хоть бы хны! Да. Что вы делаете? Работаете? И ничего — нескучно? Кто отрывает? Ах, телефонные звонки. А вы телефон выключите. Не можете? Делового звонка ждете?.. Ах, бедненький! Знаете, я вас научу: если вам будут звонить, вы прямо так и говорите, что заняты. Не помогает? Ну, давайте я вас утешу, поболтаю с вами. Я знаю: вы вчера были в кино. Знаю. И знаю — с кем. Я сама должна была пойти в кино и не пошла, потому что я вчера только достала мое весеннее пальто и оно еще пахнет молью. Я говорю: молью пахнет. Что? Нафталином? Пожалуйста, не придирайтесь, не все ли равно. Что вы говорите? Работа? Ну что вы, в самом деле, вцепились в эту работу?.. Алло! Алло! Вы слушаете?.. То-то!.. А то я испугалась: уж не занялись ли вы, думаю, вашей дурацкой работой?.. Вы знаете, зачем я вам звоню? Я хочу, чтобы вы меня свели на «Анну Каренину». В самом деле, что за безобразие: тысяча знакомых, по телефону часами разговариваю, а в театр хоть бы кто-нибудь свел... Что вы об этом думаете?.. Алло!.. Алло!.. Вы думаете?.. То есть, вы слушаете?.. Алло!.. Валерий Александрович... Что? Вы не Валерий Александрович? А как же вас зовут? Так я и поверила, что вы Сергей Матвеевич, пожалуйста, не интригуйте меня... Что? Какой ваш номер телефона? Миусы—4-23-15?.. Позвольте, а мне нужно — 16. Миусы—4-23-16... Как же я сразу не догадалась...

— Гражданка, вы кончили?

— Сейчас. Вы же видите, я не туда попала... Один... ноль... ноль... семь... Люся? Люся, это я. Знаешь, кто мне сегодня звонил? Ни за что не угадаешь!.. Представь: Валерий Александрович. Да! Причем не говорит, кто говорит, а интригует. Да. Чего ему надо? Вот именно. Я его тоже спросила. Говорит: «Я хочу с вами пойти на «Анну Каренину». Нет, конечно, я не согласилась. С какой стати?.. Он стал просить, унижаться... А я хоть бы хны! Я говорю: хны! Ну, которой брови красят... да... Кстати, знаешь, кого я встретила? Ну, этого, который еще за Тусей не ухаживал. Она хотела, чтобы он уха-

живал, а он не ухаживал. Да. Ты не помнишь, как его фамилия? Ну, приблизительно?.. Он мне в общем нравится, но только он всегда ругается, а я вообще не люблю зротики.

— Гражданочка, надо совесть иметь!..

— Не ваше дело!.. Люся, я тебе хотела сказать... нахальство какое!.. Нет, это я не тебе хотела сказать. Тебе я хотела сказать... нахалка какая... Люся, это я — не тебе. Тебе... дрянь какая?.. Люся, я тебе потом позвоню!.. Нахальство какое!..

— Мальчик, вот я смотрю, ты после каждого человека заходишь в будку. Неужели так долго занят номер, который тебе нужен?

— Нет... Я, дяденька, не звонить... Я за гривенниками. Если стукнуть после разговора по ящику, то гривенник выскакивает. Я себе на кино собираю.

— Много не хватает?

— 30 копеек.

— Получай и — чтобы духу твоего тут не было!.. Брысь!..

— Ишь, брызнул!..

— Изобретатель тоже... Виноват... Бауманская пять семь ноль пять... Володя? Здравствуй. Говорит летчик Ромашкин... Павел Ромашкин, летчик. Да. Теперь — я летчик. Какой, какой... Конечно, без отрыва — летчик. Да. Самостоятельно летал. Сколько летных часов? Да уж порядочно... Пол. Пол... полчаса летных у меня. Что тут непонятного?.. Я налетал уже пол летного часа... Я знаю, что немного, так ведь это первый раз... И без инструктора... Да. Ты будешь дома? Ну, я сейчас приеду, расскажу...

— Виноват... Разрешите... Ка... ноль... восемь... один... Николай! Здравствуй, Николай. Что делаешь, Николай?.. Да не мог я, понимаешь, вчера... Ну, никак не мог, потому что меня вызвали... Куда, куда... Нельзя сказать... Почему, почему... А бдительность забыл?.. Ну, да, в цейс... Ночью. Да. Почему, почему... Потому что там эти производили... Ну, нельзя сказать... Ну, эти, я по буквам скажу: Ольга, Петр, Иван, Тимофей... Да, Ольга. Потом Петр... Потом — Иван. Да не Иван, а Иван. Ы!.. Ы!.. Ы!.. Наконец-то! Ну, да. Какие опыты? Нельзя сказать. Ну, я по буквам... Соня, Елена, Кирилл, Роман...

— Что же вы, молодой человек, говорите, если нельзя?!

— Кхе... да... ну, я потом тебе позвоню, Николай... Пока, Николай...

— Вы будете звонить, гражданин?

— А?.. Поцщему?

— Как — почему? Ваша очередь.

— А?.. Да... Щас... Щерт... Щерт... Тут звонить нельзя!.. Поцщему, поцщему!.. Некуда гривенник опустить. Щелка мала. Вот... Не влезает... Вот... Тьфу!.. Не буду звонить!

— Тут дело, гражданин, не в щелке, а в вас. Этот автомат — он для трезвых.

— Па-апрошу не касаться моей... ик... лиццной жизни. Вот! Попрошу...

— Ну, что же ты, девочка, иди — звони...

— Я сичас... Арбат... четыре... два... два... Это кто говорит? Это Валя? Валя, это я. Ну, я Леночка. Валя, я тебя что хотела спросить: Валя, как в подкладного дурака ходить? Парамии или можно тройками? А? Что? Все могут подбрасывать? А козыри?.. Ага. Ну, пока. Да...

— Деловой звонок, что и говорить! Пожалуйста, товарищ, ваша очередь...

В. АРДОВ

У семи нянек

Павел Семенович Бочкин готовился к отчету. Общезаводское собрание было назначено на восемь, еще предстояло бриться, а конспект яркой речи заело... Предзавкома откинулся на спинку стула и с удовольствием перечитал вслух:

«...Исходя из этого я заявляю, что мощный размах стахановского движения, по существу, первой же волной захлестнул наш завод. Все мы с гордостью произносим знатные имена: Ложкин, Сватов, Перегудов...»

— Как ты находишь, Ваня, а?

— Вы уже писали, Пал Семеныч...— робко ответил культсектор Ваня.

— Что писал?

— Да вот: Ложкин, Сватов, Перегудов...

— Ну и что же, если писал? По существу, это только подчеркивает повседневную связь!

«...Ложкин, Сватов, Перегудов! — продолжал репетировать свою речь Бочкин. — Да!! Их вырастил наш заводской комитет, оперативно руководя, спускаясь до группировок, в тесном контакте с низпрофуполномоченными...» — продолжал товарищ Бочкин.

Часы показывали шесть.

2

«Ложкин, Сватов, Перегудов! — скрипел пером председатель районного совета безбожников. — Да!! Их воспитал наш районный совет, оперативно руководя ячейками, по обеденным перерывам спускаясь в гущу цехов (например 16 декабря), в тесном контакте...»

— С кем в тесном контакте, Петя?

— С группами юных безбожников при жактах, яслях и роддомах, Степан Фролович, — готовно подсказал секретарь райсовета СВБ Петя.

Степан Фролович Кукин торопился. В облсовет было нужно явиться к восьми, а часы показывали уже шесть. Еще предстояло бриться.

3

«Их имена: Ложкин, Сватов...», — спешил Роман Феофилактыч Брохин, составляя конспект своей речи. — Фу, чорт, а как же третий?

— Перегудов! — подсказал секретарь райсовета ОДН Сеня.

— Да, Перегудов. «Они возвращены в ряды нашего общества путем оперативного руководства всеми звеньями и спуска в массу кружков при наличии тесного контакта...»

Ему еще надо было бриться, а часы уже показывали шесть. В райсовете «Долой неграмотность!» заседание началось в восемь.

4

Парикмахер Жан делал чудеса, но очередь все росла. Павел Семеныч Бочкин расстегнул чемоданные ремни портфеля и погрузился в тезисы доклада:

«...Мы с гордостью произносим знатные имена: Ложкин...» — вслух смаковал предзавкома.

— Вы разве знакомы? — перебил его сидевший слева небритый гражданин. — Ведь Ложкин, Сватов...

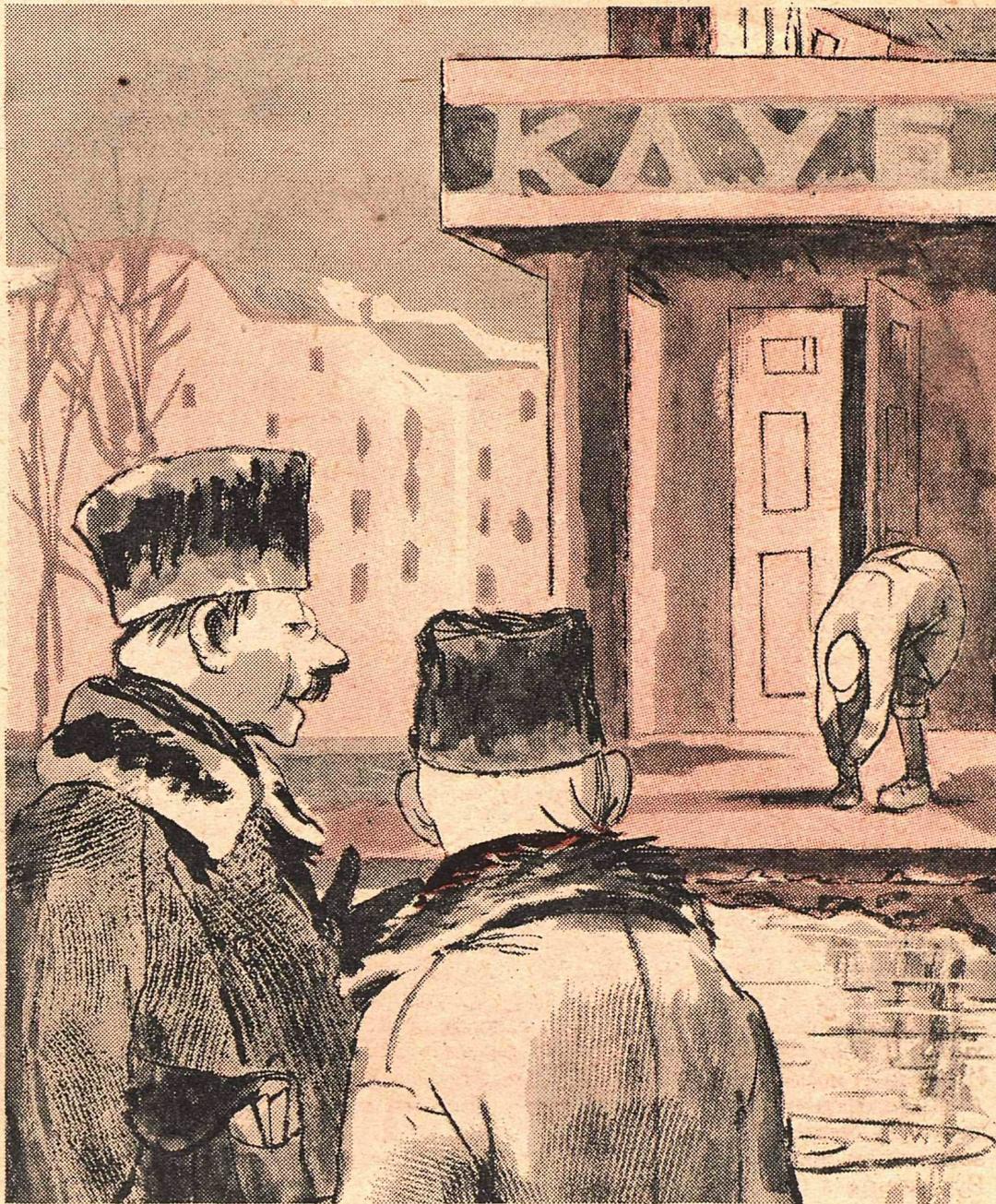

Рис. Л. Сойфертиса

САМООБСЛУЖИВАНИЕ

— Когда же вы, наконец, высушите эту лужу перед входом в клуб?
— Зачем высушивать? Посетители ее сами в калошах унесут.

— Перегудов? — обрадовался сидевший справа Степан Фролович Кукин (ибо это был он).

— Знаком ли я? — ахнул Павел Семеныч. — Да, по существу, их вырастил наш заводской комитет, оперативно...

— Простите, — ехидно перебил сидевший справа товарищ Кукин, — но их воспитал наш районный совет, спускаясь...

— Позвольте, — возмутился сидевший слева Роман Феофилактыч Брохин, — всем, кажется, известно, что эти прославленные стахановцы возвращены в ряды нашего общества путем...

Запахло скандалом...

5

— Я прошу еще семь минут, товарищи! — Павел Семеныч Бочкин заканчивал отчет.

Собрание зашумело.

— Продлить! — сказал тогда сам Павел Семеныч, покосился на президиум и горячо продолжал: — Исходя из этого я

заявляю, что возвращенные нашим заводским комитетом под моим неослабным руководством знатные стахановцы Ложкин, Сватов, Перегудов...

— Сватов, Перегудов, Ложкин! — гремел в это время в другом конце города товарищ Кукин...

— Перегудов, Ложкин, Сватов!!! — изнемогал на своей трибуне Роман Феофилактыч Брохин...

— Да! Уже в 11 часов утра они сегодня кончили дневную норму. Почему так? — Павел Семенович победно обвел глазами шумевший зал. — Мне ясно это! Их воспитал...

А в президиум пришла записка:

«Товарищ председатель, завтра опять не хватит заготовок. В ночной смене у литейщиков простой: формы неготовы. Перегудов, Сватов, Ложкин.»

Так как записка была не по существу, докладчик на нее не ответил.

И. СЕВИН

Приятно отметить многогранную натуру. Менее приятно, если эту многогранность назойливо навязывает вниманию окружающих граждан сам носитель этого ценного качества. Оренбургский врач, некто Мышкин, напечатал в типографии издательства «Оренбургской коммуны» 1000 экземпляров следующей листовки:

**«ДОКТОР МЫШКИН
ГАВРИИЛ ГЕОРГИЕВИЧ**

Оренбург, 1-я часть в Форштадтском конце, улица Максима Горького (бывший Водяной), Челюскинский переулок (б. Каретный), д. Б/А, свой.

ОБЩАЯ ПРАКТИКА:

Болезни внутренние, детские, венерические, женские, хирургия, перевязки, вязки, акушерство, глаз, ухо, посещение на дому.

ЛЕЧЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА

1. Половая слабость. 2. Предохранение от венерических болезней. 3. Предохранение от беременности. 4. Правильный выбор курортов. 5. Болезни желудка. 6. Алкоголизм. 7. Табакокурение. 8. Ревматизм и вообще болезни суставов, костей и мышц. 9. Бесплодие. 10. Преждевременная старость и увядание. 11. Выезд по домам и в район. 12. Ночное недержание мочи. 13. Кровопускание.

Прямо не доктор, а человек-поликлиника! Универмаг медицины! На ярмарках в старое время такому доктору цены не было бы.

Чебоксарские клеветники

Недавно в органе союза чувашских советских писателей, журнале «Сунтал», известный чувашский писатель Ефимов-Тахти был ни за что ни про что объявлен врагом народа. Писатель так и умер, не дождавшись реабилитации его от этого чудовищного обвинения. И тогда правление союза чувашских советских писателей развязно и лицемерно сообщило в газете «Красная Чувашия» о своем прискорбии по случаю смерти товарища Ефимова-Тахти.

Крокодил выражает свое сочувствие молодой чувашской советской литературе по случаю: а) понесенной ею тяжелой утраты и б) состава руководства союза чувашских советских писателей, в котором (руководстве) безнаказанно орудуют клеветники.

Преступление и наказание

Вот вырезка из приказа № 1 по Васильковскому районному земельному управлению (Киевской области):

«...Из приведенного видно, что т. Шенкер подрывает правильность работы в колхозах, доводя до них неправильные планы. А потому освободить ее от работы агронома-плановика и возложить на нее обязанности статистика.

Зав. райземотделом Игнатенко».

Так хитроумный заведующий районным земельным отделом одним росчерком пера свел насмарку высшее агрономическое образование тов. Шенкер, превратив в то же время достойную всяких похвал специальную статистику в штрафную.

«Ох, и беда нам с тов. Игнатенко!»

Чей полюс?

Неужели вы не знаете, в чьем ведении находится Северный полюс? Он находится в ведении Талдомского городского отдела коммунального хозяйства (Московской обл.), которому он передан специальным постановлением Талдомского районного исполнительного комитета:

«СЛУШАЛИ: О передаче низковольтной сети в ведение горкомхоза.

ПОСТАНОВИЛИ: Предложить райэлектростанции передать в ведение горкомхоза горсовета весь Северный полюс».

Подлинный текст этого постановления подписали, не читая, председатель рика тов. Казаринов и секретарь рика тов. Паршин.

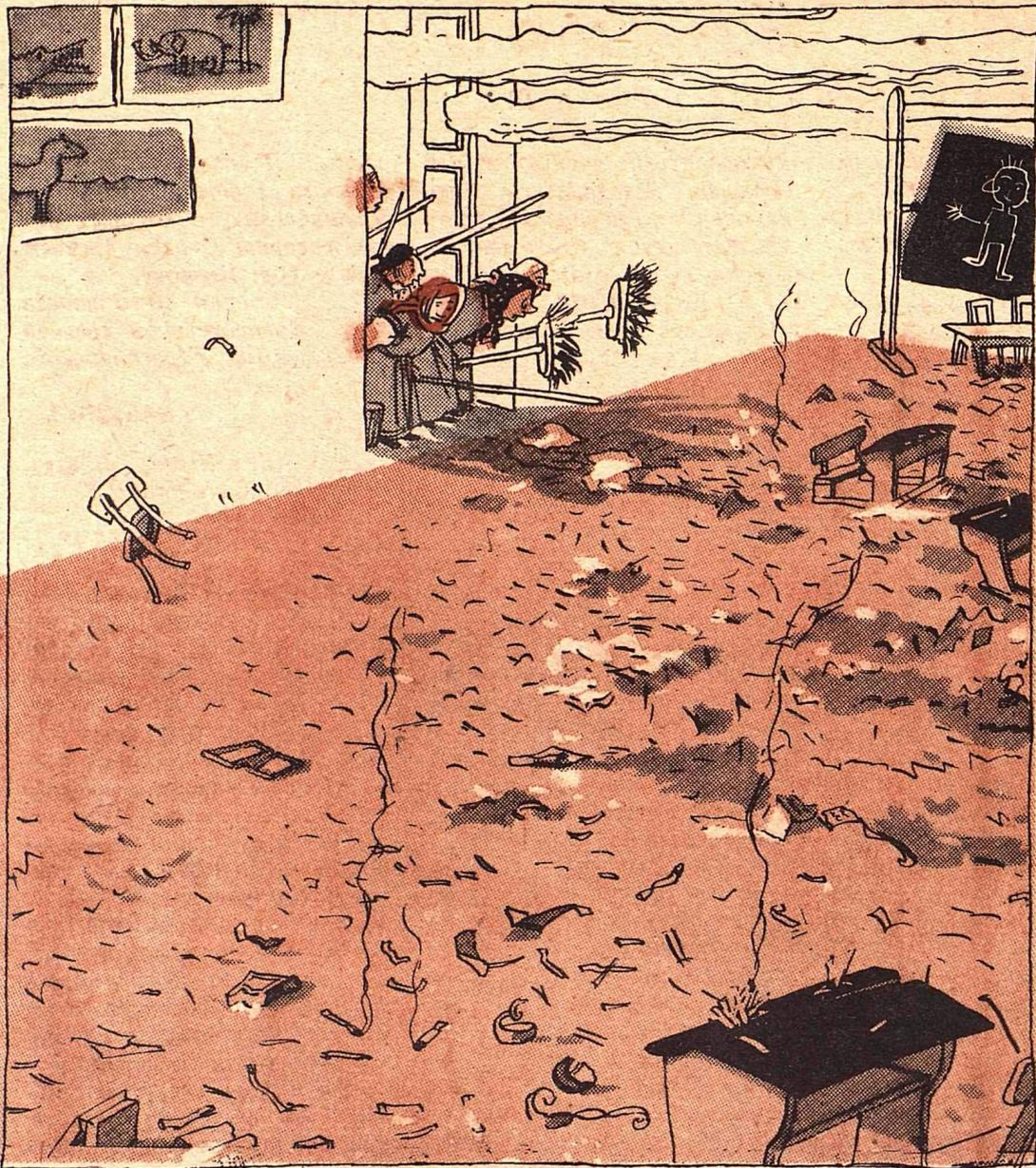

Рис. А. Каневского

— Ну, что это?.. Пол заплван. В чернильницах—окурки. Никогда еще наши ученики так не безобразили,
— Это не ученики: здесь было родительское собрание.

О СОБЫИ О ТДЕЛ

Кстати о двуглавых орлах

Предположим, что вам хочется объяснить кому-нибудь, как выглядели лепные двуглавые орлы, украшавшие разные царские учреждения.

Если вы проживаете в городе Горьком, нет ничего легче, чем сделать это. Вы берете своего собеседника за руку, ведете его на улицу Свердлова и показываете ему двуглавые орлы, осеняющие фасад здания Госбанка.

Затем вы оба уходите, размышляя над психологией лиц, допускающих это безобразие.

Освоили классика

На Ровенском пивоваренном заводе (Донбасс) память Александра Сергеевича Пушкина почтили так. Взяли и завели по счету дебиторов карточку на имя Пушкина А. С. А на эту карточку решили, не говоря худого слова, списывать всякого рода расходы.

Не прошло и года, как великий поэт задолжал заводу 597 рублей 30 копеек. Что с покойника возьмешь? Пришлось эти деньги списать в убыток.

На этом дирекция Ровенского завода считает сей уголовный инцидент исчерпанным. Н-да!

Суд скорый

23 февраля сего года саратовский житель Ф. А. Марухин получил, наконец, долгожданное извещение. Выписка из определения уголовно-кассационной коллегии Саратовского областного суда сообщала, что приговор народного суда от 7 февраля 1934 года, по которому гражданин Марухин был приговорен к 1 году исправительно-трудовых работ по месту работы с отчислением 10 % заработка, решением упомянутой кассационной коллегии, отменен на заседании от 11 ноября 1937 года.

Подписал эту несколько запоздалую радость председательствующий тов. Башкарев. Гражданин Марухин трепетными руками разорвал конверт, прочел извещение, прослезился—и послал его в Крокодил.

Дорогой Крокодил!

(П И С Ь М А Ч И Т А Т Е Л Е Й)

Уважаемый Крокодил!

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей организует для Америки и ряда стран Европы выставку, посвященную Советской Арктике. Политическое значение этой выставки ясно даже ребенку. Неясно оно только кинооператору тов. Трояновскому, которому наша партия и правительство предоставили высокую честь и счастье—участвовать в экспедиции на Северный полюс. В результате у него оказалось большое количество фотоснимков, которые очень пригодились бы на выставке. И все же нам пришлось отказаться от его услуг, так как он подошел к этой выставке не с политической, а с коммерческой точки зрения и запросил только за прокат каждого из негативов по сто рублей.

Ввиду того что кого-нибудь может заинтересовать причина отсутствия на нашей выставке работ Трояновского, мы и пользуемся случаем на страницах Крокодила сообщить истинную причину этого прискорбного обстоятельства.

Врио председателя Всесоюзного общества культурной связи с заграницей
В. СМЕРНОВ.

Москва

Милый Крокодил!

Что мне делать? Заведующий паспортным столом Суджанского райисполкома Дейнеко не хочет обменивать мой паспорт, срок которого уже кончился, на новый. То есть принципиально-то он согласен, но только при одном условии, если я сменяю свою фамилию на фамилию моего мужа. А мне моя фамилия нравится, и я ее не хочу менять.

— Ну, в таком случае, вы и не получите нового паспорта,—говорит неумолимый Дейнеко.

Тогда я обратилась с жалобой к редактору нашей газеты. Тот позвонил Дейнеко и указал ему, что он неправильно поступает. Дейнеко

ужасно обиделся и сказал редактору:

— Нечего редакции совать свое свиное рыло в наш огород.

Интересно знать: а каких это пор самодур Дейнеко считает паспортный стол своим огородом? Что касается слов «свиное рыло», то только моя деликатность не позволяет мне указать, кому из работников паспортного стола они больше всего подходят.

А. С. АРТЮХОВА.

г. Суджа,
Курской области.

Дорогой Крокодил!

Признаю свою ошибку. На одном из собраний ячейки МОПР я выступал и, между прочим, сказал, что нужно «агитировать темную массу».

Руководители ячейки МОПР страшно обрадовались, что, наконец, подвернулся случай проявить свою бдительность, и меня за эти слова исключили из рядов МОПР. А секретарь первичной комсомольской организации Харламов многозначительно сказал:

— Мы тебе, Абакумов, за такие слова зажем пикульку.

Под словом «пикулька» Харламов понимает рот.

Может быть, мне не надо было говорить слова «темная масса»,—я признал свою ошибку. Но вот говорить «зажду пикульку», по-моему политически гораздо более вредно и неправильно. Я советский гражданин, и никто не имеет права со мной разговаривать в таком тоне.

Я решил свой билет не от-

давать. По-моему, Харламов как раз и есть один из тех Пришибеевых, о которых писал товарищ Сталин в своем ответе тов. Иванову.

Ученик 10-го класса
Новоселовской средней школы
Красноярского края

АБАКУМОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Правда,
товарищ Абакумов.

Уважаемый Крокодил!

У нас, в городе Ельне, Смоленской области, есть спиртоводочный завод. Он выпускает в большом количестве денатурат. Денатурат имеет одно преимущество перед водкой: он значительно дешевле ее. Зато он имеет один огромный недостаток: он, безусловно, непригоден для употребления внутрь.

Директор спиртозавода Фирсов прекрасно знает, что денатурат — яд. Не скрылось от него и то обстоятельство, что многие крестьяне в районе несогласны с этим и в большом количестве употребляют эту отраву на свадьбах, поминках и вообще в обычные будние дни.

Исходя из этого, спиртозавод стимулировал вывозку горфа широкой выдчей этого зелья, любовно называемого его потребителями ханжой, синюхой и т. д. Из месяца в месяц растет употребление денатурата в Ельненском районе, и это несколько не волнует ни районный комитет партии, ни райисполком. А директора завода Фирсова это даже радует: он считает, что главное—выполнение плана выпуска денатурата, а на что он идет,—это его не касается.

Интересно: касается ли это обстоятельство прокуратуры? Если да, то давно пора бы ей заинтересоваться этой преступной торговлей ядом.

Ответственный секретарь редакции газеты
«Социалистический путь»
С. СИМАНКОВ

г. Ельня,
Смоленской области.

Рис. Л. Генча

В О Б Щ Е Ж И Т И И

— Ты почему на столе спишь?
— Потому что на моей кровати обедают.

Редактор—Мих. КОЛЬЦОВ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 289

Сдача текста и рисунков 17/III 1938 г.

Подп. к печати 22/III 1938 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита Б—42346 Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 498. Тираж 275 000 экз.

М 1937

45
 СЕЗОНТ. АННОУАРАРЫ
 27 МАР 1938
 Восс. Кн. Подат. Получен.

	Период и серии	„Лет сценарий“	„Усп. лет“
Получ. в ред.	28/iii	31/iii	
Сдан в архив	28/iii 31/iii	31/iii	

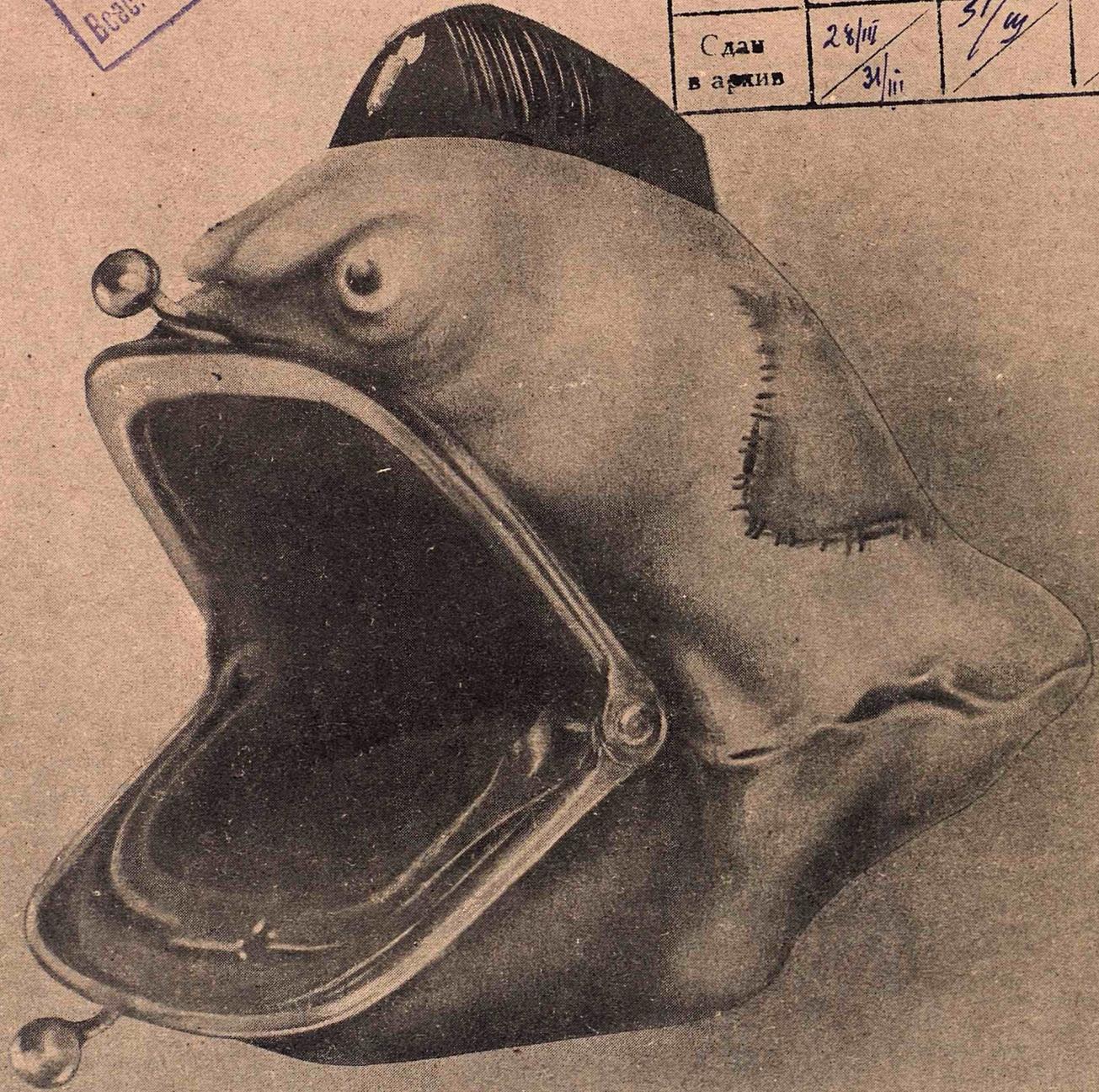

Рис. Б. Клинка

Б Е Р Е Т Н А П У Ш К У !

— Займов!.. Займов на вооружение!.. Займов!..